

принесли. Так и на другом месте Овидий еще ж говорит: мы священными пиитами и божеским попечением именуемся. Так и Лукан восклицает: О! священный и великий всех пиитов труд. И по истинне гнет труда, который бы большею ума силою и сильнейшим духа напряжением и стремительством был производим, коль оные высокие пиитов размышления» («Мнение о начале поэзии и стихов вообще»). И в этом перечне цитат, характерным образом выявляющем типическое для эпохи мышление образцами, готовыми формулами и авторитетами, священное величие поэзии обусловлено, по Тредиаковскому, ее моральной полезностью в государственном плане. Эта точка зрения обусловлена двумя концепциями, существенно определяющими все литературные оценки Тредиаковского, как и руководителей русской литературы его времени вообще: во-первых, это дидактическая точка зрения на искусство, исключаящая произвольность, творческий каприз, творческую игру в нем (романтическое «Я пою, как птица в поле» — чуждо и постыдно с этой точки зрения), определяющая вдохновение поэта целью, предписанной ему, как правило, быть полезным в простом наставительном смысле; во-вторых, это — представление о поэзии не как о личном, душевном деле поэта, интимно раскрывающегося в своем творчестве, а как о деле государственном, общественном, порожденном гражданственной потребностью и повинующемся общественному заданию. Поэзия предстает такому взгляду как некий общественно или даже политически необходимый институт, контролируемый и направляемый обществом. Говоря о древнейшей поэзии человечества, Тредиаковский с похвалой характеризует ее идейную полноценность: «Ею превозносится божество; ею прорицается истинно от правых, ложно от льстецов; ею преподаются наставления о добродетельном житии, ею и законы преднаписуются: словом, все самое важное и превеликое ею объемлется», — и с печалью и осуждением он добавляет, имея в виду падение искусства в новые времена: «...пока, наконец, по многих веках, употребили ее и на мирские многие потребности, отвративши от первого употребления» (там же). Цель поэзии — «общественные действия», цель ее — «сделать человекa лучшими» (там же); так моральная задача поэзии переплетается у Тредиаковского с общественной.

Если граждански-учительное понимание искусства у Тредиаковского возникает не сразу и до конца ограничивается нередким у него угождением придворным кругам и несколько схоластическим академизмом его деятельности, то для Ломоносова это понимание становится одной из основ эстетики, поэтической практики и литературной политики. Для него поэзия — не развлечение, не игра, не украшение жизни, а важное государственное дело, патриотическое служение, необходимое и полезное для процветания и славы отечества. Для него литература — это усиленное помощью